

ОЖИВШІЄ ПРЕДАНИЯ

АЛЕКСАНДР
ПРОЗОРОВ

ДОРОГА ЦАРИЦ

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П79

Оформление серии *Алексея Дурасова*

В оформлении переплета использована
иллюстрация *Владимира Ненова*

Прозоров, Александр Дмитриевич.

П79 Дорога цариц / Александр Прозоров. — Москва :
Издательство «Э», 2017. — 384 с. — (Ожившие предания. Романы А. Прозорова).

ISBN 978-5-699-99389-5

Ирина и Борис Годуновы рано остались сиротами, и неизвестно, что ждало бы их впереди, если б они не сбежали из дома к своему дяде, служащему постельничим при Царском дворе. Здесь маленькая Ирина познакомилась со своим ровесником Федором, с которым сразу сдружилась. Борису же довелось встретиться с дочерью Малюты Скуратова, красавицей Марией... Но не все складывается так, как хотелось бы молодым. Иван Грозный настрого запретил своему младшему сыну Федору жениться на худородной девке, а чувства Бориса и Марии должны пройти испытание сроком в три года... Так во что же выльется дружба детей и к чему приведет клятва юности?..

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-99389-5

© Прозоров А., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Часть первая

СИРОТЫ

11 мая 1564 года

Дорогобужский уезд близ Вязьмы

В темной и тесной церкви густо пахло гнилью и прогорклым жиром от множества чадающих перед иконами хвощовых свечей и медных лампад. Этот застарелый дух не могли разогнать ни ароматы благовоний в ладанке старого попа, ни сквозняк, веющий от покосившейся двери к открытым окнам, ни влажная затхлость, что сочилась через трещины черного от времени тесового пола. Сурово смотрели святые с образов на стенах и скромного резного иконостаса, потрескивали фитили и стебли, заунывно бормотал отпевающий покойника худенький седобородый священник.

В белом сосновом гробу лежал не старый еще боярин с длинным глубоким шрамом через лицо, проходящим через левую глазницу, и окладистой русой бородкой с двумя тонкими косичками, заплетенными по правой стороне. Почти до самого подбородка покойника укрывало белое домотканое полотно, поверх которого лежали только руки, а на голове глубоко сидела шапка из темного горноста. В сложенных на груди ладонях горела тонкая восковая свеча. И это была единственная

роскошь, каковую могли позволить себе родственники, провожающие мужчину в последний путь.

Возле катафалка стояло всего несколько человек. Крупнотелый русобородый прихожанин в рысьей шубе, в темных суконных шароварах и бурых яловых сапогах. Добротный широкий ремень — тисненный, с медной пряжкой, замшевой поясной сумкой и тремя ножнами, украшенными костяными накладками, и вытертым пятном от надеваемой в походы сабли — выдавал в нем служивого человека, «боярского сына». К боярину приткнулась женщина лет тридцати в высоком кокошнике, поверх которого лежал большой черный платок, краями ниспадающий на крытую тонким синим сукном лисью шубу, — вестимо, жена. Чуть дальше стояла утонувшая в больших, явно не по росту, одеждах старушка, которая постоянно плакала, время от времени прикрывая лицо вышитым платком. По возрасту — явно матушка.

По другую сторону от гроба замерли с сухими глазами двое детей: к мальчишке лет десяти на вид испуганно жалась шестилетняя малышка. Оба сероглазые, с тонкими чертами лица, кудрявые и светло-русые. Сразу видно — брат с сестрой. Их можно было бы принять за крестьян: одежда из серого домотканого полотна, даже без вышивки, простенькие поршни на ногах; мальчик опоясан сыромятным ремнем с двумя ножами и замшевой сумкой, девочка — и вовсе сплетенным из матерчатых лент кушаком.

Дети вели себя тихо и во время отпевания, и по пути на кладбище, и возле могилы — до тех пор, пока земля не ударилась о крышку опущенного в могилу гроба. И лишь тогда девочка вдруг расплакалась, крепко вцепившись в кафтан мальчика, и тихонько спросила:

— Папа умер, да? Боря, папы больше нет? Боря, он больше не вернется?

— Ему сейчас хорошо, Иришка, — обнял ее мальчик и прижал к себе. — Он сейчас в раю, он в Золотом мире на дружеском пиру с нашими предками.

— А нам? А как же мы? Боря, куда мы теперь?

— Знамо, у меня теперича жить станете, — расслышал ее слова боярин. — Вы же мои племянники!

Однако эти слова девочку ничуть не утешили. Наоборот, она разревелась только сильнее, в голос, уткнувшись лицом в полу кафтана и высоко вскидывая плечи.

Ирина успокоилась только поздней ночью, на полатах отцовской избы, когда заснула в объятиях своего брата. Поэтому утром малышку не будили почти до полудня, и, когда девочка спустилась вниз, дом уже опустел. Все сундуки, корзины, припасы, лавки и прочие вещи холопы к сему времени успели загрузить на телеги и накрепко увязать. Хотя о девочке, понятно, родичи не забыли и оставили для нее крынку киселя и расстегай с рыбой.

Когда ласковое весеннее солнце перевалило зенит, обоз из четырех возков тронулся в путь по влажной чавкающей дороге, петляющей между черными полями с редкими проплешинами серого крупенистого снега, все еще не сдавшегося побеждающему теплу. Всего несколько верст, три часа пути — и обоз въехал в Годуново, свернув к воротам старой боярской усадьбы, ныне по праву старшинства принадлежащей боярскому сыну Василию Ивановичу.

Несмотря на громкое название, усадьба мало отличалась от зажиточных крестьянских дворов, стоящих неподалеку. Такая же размерами изба, такой же бревенчатый тын, такой же овин и сметанный у забора стог

сена. Разве только амбаров у хозяев поместья было два, а не один, да хлев и конюшня размерами зело поболее. Оно и понятно — боярину ведь надобно в поход ходить, причем каждому из воинов — одвуконь. Да еще возок с припасами с собою забирать. Притом еще и хозяйство без лошадей не оставишь. Так что лошадей государеву воину требовалось куда как более, нежели обычному землепашцу.

Разумеется, так было не всегда. Всего лишь век назад знаменитый боярин Иван Годун, получивший в свое владение два десятка деревень, жил богато и роскошно. Однако родилось у боярина Годуна три сына, и унаследовал каждый от батюшки всего лишь по шесть деревень. И у боярина Григория Ивановича тоже появилось трое сыновей. И унаследовал каждый уже по две деревни. И у боярина Ивана Григорьевича тоже случилось три сына... И тут уже по всем статьям стало получаться, что и делить-то нечего, ибо с двухсот десятин на государеву службу надобно выставлять четырех воинов. Коли боярского сына с холопом считать — то на троих помещиков надел уже не резался. И тут уж — али в черный люд, в крестьяне уходи, али еще чего придумывай...

Братьям повезло — отцовское наследство получилось разделить пополам. Однако же доходов у каждого теперь выходило только-только концы с концами увязать, и жили они как бы ничуть не лучше своих крепостных крестьян. Разве только чести выходило больше: все же служилый люд! Но вот еда на столе, изба да одежда уже давным-давно от крестьянской не отличались.

Впрочем, теперь, после смерти Федора Ивановича у боярина Василия Ивановича появлялась отдушина. Вдвое больше земли, вдвое больше дохода. Во всяком

случае — пока племянник не подрастет и в Разрядном приказе в новики от отцовской земли сам не запишется.

— Эй, Борька! — поманил спрыгнувшего с телеги мальчишку боярский сын Василий Иванович. — Ты покамест лошадей выпряги да напои. Опосля Хмыряга их в конюшню отведет. Там, глядишь, и ужинать пора придет.

— Да, дядюшка... — кивнул сирота и направился к первому возку.

В самом поручении младшему потомку из рода Годуновых не было ничего обидного. Ведь вся дворня боярского сына Василия Годунова состояла из двух холопов да трех девок. И коли самим не работать — ничего в делах хозяйских не сдвинется. Посему и сам Василий Иванович тоже принялся таскать вместе со слугами вещи в дом али в амбары, и его супруга за узлы взялась, и даже престарелая матушка чем могла подсобить старалась.

Однако само осознание того, что отныне Борис не у себя дома оказался, а при чужом дворе в приживалках, что не увидит больше батюшки, и мамина могила за много верст ныне осталась, что понукать теперь им совсем чужой человек станет, вытолкнула у мальчишки из глубины души тугой горький ком, застрявший в горле, мешающий говорить и даже мыслить. С этим комом поперек глотки мальчик выпряг по очереди всех лошадей, понуро вычистил соломой их шкуры, вытянул из колодца и налил в корыто воды. Затем помог холопам разобрать уже опустевшие телеги: колеса отдельно, сами короба отдельно — дабы места во дворе меньше занимали. Затем вместе со слугами помыл руки у подвешенного ведра и вошел в избу, где девки уже выставляли на стол нарезанный крупными ломтями хлеб,

горшки с горячей кашей из сечки с салом, миски с квашеной капустой и солеными огурцами.

Горшков оказалось два — один во главе стола для боярина и холопов, его верных слуг и воинов, а второй — внизу, на ближнем к дверям краю, для женщин и детей. И хотя Борис при своих одиннадцати годах даже в отцовском доме считался за ребенка, однако оказаться среди баб ему все равно стало невероятно обидно.

После ужина, никого не спросясь, мальчишка забрался на полати, уполз к дальней стене, прижался к бревнам, лег на живот, подsunул под голову шапку и затих, больно прикусив губу.

Сказать, что на душе у него было тоскливо — значило ничего не сказать. Всего через три года после матери потерять отца, а вместе с тем — родной дом, привычную жизнь, мечты и надежды... Почитай — ничего не осталось. Вообще ничего, кроме рук, да ног, да головы! Боря стал никому не нужен. Никто его больше не любил, не желал ему счастья. Никто теперь не пожалеет, не поможет, угощением вкусным не поделится, никто ничего просто так никогда не подарит. Пустота. Впереди осталась только черная бессмысленная пустота. Прямо хоть руки на себя накладывай!

Неожиданно рядом послышался шорох, мальчику в бок откнулась голова в платке.

— Ты чего тут прячешься, Борь? — прошептала девочка.

— Он меня изведет, Иришка, — неожиданно даже для самого себя ответил паренек. Разумеется, так же тихо. — Как есть изведет! Не надобен я ему, мешаю.

— Ты про дядюшку? — неуверенно переспросила сестра.

— А про кого еще? — скрипнул зубами мальчик. — Броню отцовскую и саблю, вона, сразу прибрал! Сказывает, пусть служивый пока носит, дабы зря не лежала. И дом наш сразу вычистил, посадить кого-то желает, и со старостой за барщину сговорился. Нешто дядя Василий так просто обратно все и отдаст, как подрасту? Да и будет ли чего отдавать? Дом обживут, броня посечется.

— Не может такого статья, — мотнула головой Ирина. — Он же дядя наш! Отцу нашему брат!

— Может, и брат. Ан земляца отцовская ему страсть как нужна! Своей-то, знамо, еле хватает, с каши на воду перебивается. Детям оставить и вовсе нечего.

— У дяди Васи нет детей.

— Он здоровый, еще родит!

— Наговариваешь ты, Боря... — после долгой заминки все же возразила девочка. — Он нас любит. Он отцу нашему беречь нас обещался. Они же братья!

— Ага! — буркнул Борис. — Такие братья, что младшего-то, Дмитрия, выжили!

— Он сам сбежал! Без спросу! — торопливо ответила Ирина. — Предал всех! Вона, бабушка сколько раз ругалась!

— Это они нам нынеча так говорят! — упрямо буркнул мальчишка. — Вот токмо земли-то на него у деда не имелось. Токмо батюшке и дяде Василию, и то еле хватило! Оттого и выжили! И меня дядька за землю мою тоже сживет!

Он вцепился зубами в шапку, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы. Девочка тоже замолчала, с трудом веря в услышанное.

Со стороны печи послышался шорох, на полати заглянула старая боярыня:

— Иришка, Боря, это вы здесь шушукаетесь?

— Мы, бабушка, — призналась девочка.

Пожилая женщина помолчала, тяжело вздохнула:

— Ох, сиротинушки вы мои бедные... Прогневался, вестимо, господь... Ну, горюйте, горюйте. Поплачьте — легче станет.

От такого пожелания паренек едва не прокусил шапку, из глаз сами собой выкатились две слезы. Он тряхнул головой и зло прошептал:

— Сбегу я, Иришка! Не хочу жизни такой! С дядькой не останусь!

— Куда, Боря? — испуганно прошептала девочка.

— А все равно куда! — решительно выдохнул младший Годунов. — Коли Дмитрий, дядька, сбежал, почему я не смогу? У него, сказывают, все хорошо! При дворе царском жирует! Чем я хуже?!

Что на такое возразить, шестилетняя малышка не нашлась.

Слухи про младшего брата из семьи Годуновых ходили разные. Чаще его ругали — как предавшего свой род, свою семью, бросившего братьев и родителей. Но иногда поминали и то, что при государе Иоанне Васильевиче он видным боярином стал, богатым, при высоком месте. Вот токмо не восхищало сие никого. «Иудиними серебрениками» возвышение Дмитрия старшие Годуновы называли и никому удачливого родича в пример не ставили.

За окном, затянутым промасленным полотном, вскорости стемнело, на полати полезли девки и холопы. Весенняя ночь коротка, уставшим людям хотелось выспаться. При чужих ушах сироты своего разговора про-

должить, понятно, не смогли. Однако маленькая Иришка, прильнув к брату, все же спросила в самое ухо:

— Ты ведь меня не бросишь, да?

На рассвете обитатели усадьбы снова собрались за общим столом. Быстро подкрепились, поделив меж собой печенную накануне репу и мелкую копченую рыбешку: плотву, окуней, подлещиков.

— Я с Косачем ныне на Бежерин луг поеду, — поднялся из-за стола боярский сын Василий Иванович, одетый ради буднего дня в простую холщовую рубашу и такие же бесцветные порты. — Там ныне все уж оттаяло, пахать впору. А ты, Хмыряга, с Борисом к Рыжему россоху отправляйся, там еще два стога нетронутых стоят. Оба сегодня на двор перевезите, ибо сена над хлевом совсем не осталось.

Дворовым девкам хозяйин никаких приказов не давал — ими супруга распоряжалась. Да хлопоты хозяйственные и без того все известны: коров доить, свиньям очистки да буряки запаривать, прочей скотине свежий корм задавать, из-под скотины солому загаженную выгребать.

Хмурый паренек выслушал указания дядюшки, ничего не спрашивая и не переча. Помог одетому в истрепанный кафтан плечистому рыжебородому холопу собрать один из возков, насадив колеса на оси и закрепив их вбитыми в отверстия деревянными штырями, завел в оглобли лошадь, помог надеть на нее и затянуть хомут, сам открыл ворота и махнул выезжающему холопу:

— Ты поезжай, Хмыряга, я опосля нагоню. До ветру отлучиться надобно. Не дотерплю.

— А куда идти, знаешь?